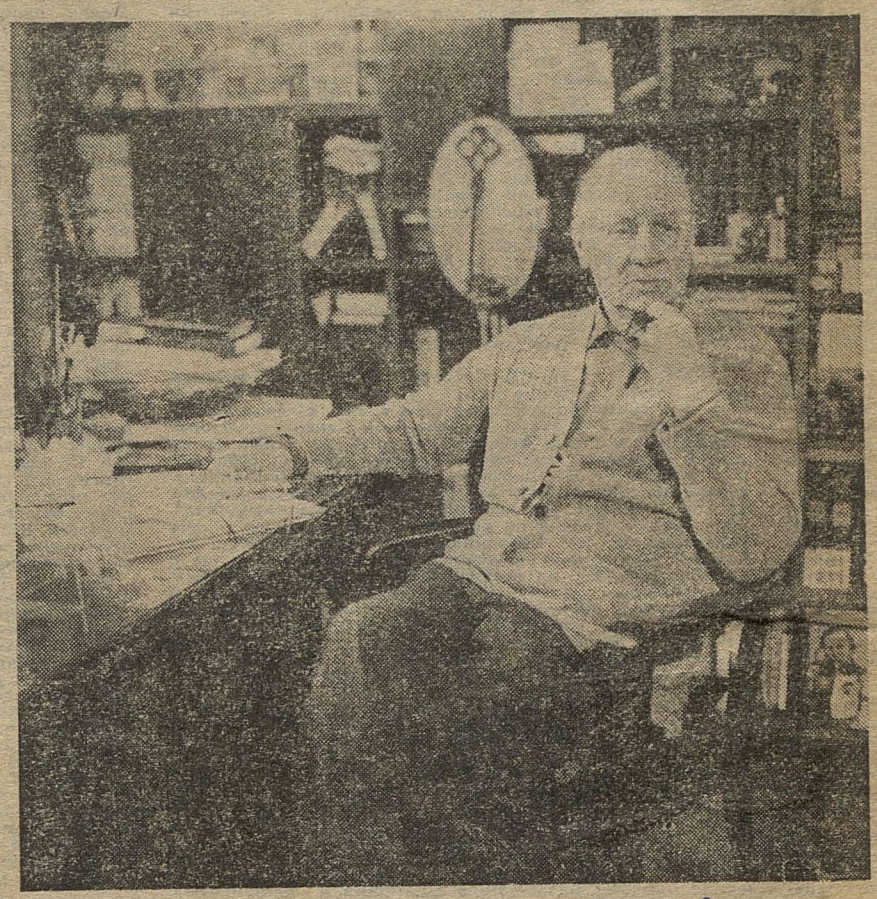
Розов В.

6.1.92

ВНЕ АМПЛУА

Виктор РОЗОВ: „Каждый год бывает первый снег”

Его пьесы «В добрый час!», «Вечно живые», «В поисках радости», «Гнездо глухаря», «Кабанчик» идут во многих театрах страны, их показывают по телевидению, транслируют по радио. Снятый по одной из них фильм «Летят журавли» стал классикой мирового кино. Виктор Сергеевич во времена безгласия на примерах обыденной жизни простых семей умел сказать о том, как на фоне духовного обнищания утверждают себя совесть и человеческое достоинство.



Семья. – 1992. – 6-12 янв. (№1). – с. 24

— Первый вопрос: что, на ваш взгляд, происходит с семьей в наше трудное время?

— Чем же наше время особенно трудное?

— Матерям нечем кормить детей. Отцы не имеют возможности их содержать и защищать. В обстановке всеобщей агрессивности, пренебрежения нравственной традицией, оголтелого прагматизма их очень трудно воспитывать.

— Жизнь в нашей стране в эпоху социализма всегда была трудная. Мало кто помнит годы после революции. Я вот — помню. Уверяю, жилось гораздо тяжелее, чем сейчас. И во время войны, и после войны. Два раза на моей памяти стало полегче: в годы нэпа и почему-то в 1938 году. В том смысле, что в магазинах лежали разнообразные продукты и товары. Про то, как тогда обстояло с «нравственной традицией», известно сегодня во многих подробностях. Но из детей тех лет выросли разные люди: нормальные и подлые, честные и жулики.

Сегодня очень много говорят о том, какие все стали безнравственные, преступные. Но у меня вон на полке стоит книга, четыре тома, называется «История нравов». Каких только ужасов в ней не описано, мороз по коже. Вся безнравственность, все преступления существуют столько же, сколько существует человечество. Все всегда было. И каждое поколение переживает свои черные полосы, открывая, что вот, оказывается, как бывает. Несколько легче человеку, который причастен к культуре. Он знает: и до него была жизнь, и до него произошло многое. Он наследует опыт, в том числе и нравственный. Были насильники и убийцы, но были и Праведники. И есть. И будут. Если об этом не думать, то останешься с одной реальностью: колбасы нет, картошка дорожает, с хлебом перебои.

— Но колбасы нет. И с хлебом перебои.

— Все-таки пока не голод. Я никому не хочу читать мораль, это самое пустое дело. Жизнь нас, конечно, строит, но и от нас в нашей судьбе кое-что зависит. Я часто слышу: «Теперь такая жизнь». Низость и подлость пытаются оправдаться. Вон жулики воруют посылки, которые пришли к нам из-за границы для сирот, бедняков, инвалидов — потому что «такая жизнь». Неужели не участвовать в этой рвачке — значит идти наперекор судьбе? На это, что, нужны какие-то особые душевные силы?

— Сообщали о медсестре, которая утащила посылку — из тех, что пришли в рамках гуманитарной помощи. Она оправдывалась: ее дети месяцами не видели конфет...

— Я понимаю, что вы хотите сказать: мне-де легко рассуждать о нравственности, потому что я сытый человек. Это правда. Я давно уже сытый и благополучный человек, у меня есть все, что нужно. Хотя до 37 лет не помню, чтобы был сыт. Но зато был счастливым. Удача както бывает связана с деньгами, радость — никогда. Люди живут без радости, потому что ищут только удачи. А ведь нам так мало отпущено для активной жизни: где-то с двадцати до шестидесяти лет. На что мы тратим эти годы?

Очень много топорщимся. Не умеем принять свою судьбу с достоинством. У меня был разговор с одним человеком, который я не могу забыть. Собеседник сказал: «Мои дети тоже имеют право на черную икру». И вот ради этого он приспосабливается, ловчит, пробиваясь туда, где эту икру выдают. Но что ж это такое — право на черную икру?!

Я за то, чтобы все по этой икре ногами ходили. Но такого нигде нет. И никогда не будет. Нам задурили головы, что мы все равны, хотя и этого не было ни одной минуты. Разные способности, разный запас энергии, один умнее, другой глупее, один образован, другой — нет. Здоровье разное. Но все претендуют на все, не получают — и оттого несчастны. И «без икры» чувствуют себя несчастными. Достоинство человека в том, если хотите, что он чего-то не делает. Не участвует в той же рвачке.

Все так. И бедные есть, и социально незащищенные. Возмутительно, что власть не умеет им помочь. Очереди за молоком, за хлебом — это беда. Но у нас сегодня погоня за покупкой стала образом жизни, смыслом существования. Моя дочь хотела купить ребенку игрушку, пошла в «Детский мир» и отсутствовала очень долго. А когда вернулась, то рассказала: продавали игрушечные яхты, очень дорогие. Так за ними была огромная очередь, брали по две, по три. Вкладывали, что называется, деньги. Я понимаю это. Но ведь жизнь идет. И на что ее тратят?

— Может быть, люди просто не хотят чувствовать себя дураками?

— Но разве погоня за тем, что так тяжело дается и, в сущности, не нужно, — от большого ума?

— Жить не в погоне за удачей, а в поисках радости?

— Что-то для тебя возможно, а что-то нет. Так всегда, это же очевидно. Меня на фронте тяжело ранило, я стал инвалидом. А что такое в те годы быть калекой, потерять специальность — это и объяснить трудно. Я уже не мог быть актером, а другой специальности не было. Тогда многие люди оказались в таком положении. Некоторые спивались... Или качали права, требуя того, чего им все равно не давали. Я мало чем горжусь в своей жизни. Но то, что в тот момент справился, мне, вот представьте, приятно.

— Вы начали писать?

— Нет, это произошло гораздо позже, когда я окончил Литературный институт. После фронта я приехал к отцу в Кострому. Пошел в кинотеатр — на костылях. И сказал: давайте перед началом сеанса я буду читать стихи. Симонова читал, Пушкина, Лермонтова.

— Вам за это платили?

— Нет. Читал бесплатно. Было холодно. Люди стояли в фойе в телогрейках, слушали. Тихо слушали. Раз один человек даже подошел и сказал, что приходит в этот кинотеатр, чтобы слушать стихи.

— Сегодня трудно такое представить.

— В очереди, конечно, Пушкина читать нелепо. В том-то и дело, что люди пробегают мимо очень важного: мимо культуры, мимо природы, Родины...

— Культура недоступна. Книги безумно дороги...

— В любой районной библиотеке есть Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, хотя бы избранное. Не знаю, мне их на всю жизнь хватило, сначала читал, потом перечитывал. Сейчас интересными мне стали журналы. По радио передают хорошую музыку, а не только эстрадную дребедень. Человек, живущий вне культуры, не знает, чем заполнить душу, и вынужден постоянно доказывать себе свою полноценность. Он несчастен — едва ли не по своей воле.

— Но для того, чтобы читать такие книги, нужна известная подготовка, а у большинства ее нет.

— Я с этим не согласен, но спорить не буду. Чтобы слышать музыку, надо просто ее слушать. Однако, чтобы чувствовать природу, радоваться ей, не требуется ни подготовка, ни образование.

— Да где ж та природа? Ее ж изуродовали.

— Каждый день солнце всходит. Каждую весну распускаются листья. И пока что каждый год бывает первый снег. Помню, у нас в семье в один скверный осенний день была очень нервная обстановка. Все обижались, сердились. И тут пошел снег. Кто-то нервно сказал: «Ну вот! Еще и снег пошел, теперь все развезет!» А Настенька, внучка моя, те же слова произнесла, но совсем с другой интонацией: «Смотрите! Снег пошел!». И смотрела в окошко зачарованно. Я тогда подумал: ребенок воспринимает жизнь нормально, а мы нет.

— Я так и думала, что самой высшей ценностью вы считаете семью.

— Ценность семьи понимаешь не сразу, позже. И тут очень важно, с чем ты пришел к тому моменту, когда завел семью, что у тебя за душой, что ты в эту семью принес. Вот вы говорите: прагматизм задавил, а я считаю, что нас скорее губит идеализм, завышенные ожидания. Смотрите, ведь даже многие взрослые люди думают, что семья держится только Любовью, Любовью мужчины и женщины. И начинается: пришла Любовь, ушла Любовь. А потом: нет Любви, я больше не верю в Любовь. И все это вместо того, чтобы принять очевидное: сердце человека любит не один раз, любит до старости. А семью, конечно, держит дом. И он крепок, если вы любите свой дом, свой угол. Он может быть бедным, даже нищим. Но если вы переступаете порог и груз забот снимаете вместе с пальто, у вас все в порядке.

Тут, между прочим, в лучшем положении женщина. Она ближе к природе, а природа устраивается сама, самовозрождается. Поэтому женщины более жизнеспособны.

— А дети?

— Когда мы молоды, дети большой роли не играют. Отцом становишься постепенно. Вот дедом — сразу. Внуки — радость, которую нам дают неизвестно за какие заслуги. Нет, в жизни много хорошего, все есть, чтобы быть нормальным человеком. Только им надо быть.

— Сейчас вопрос стоит, как выжить.

— Чтобы выжить, и надо жить. Не жадничая, но и не упуская того, что дает радость и смысл существованию.

Беседовала
Татьяна БЛАЖНОВА.
Фото ТАСС.